

31/2

Large, white, hand-painted numbers "31/2" on a dark background. The numbers are thick and have a slightly irregular, textured appearance, suggesting they were painted with a brush or marker.

С арестантским уважением
и братским теплом

Two lines of white text centered on the dark background. The text is in a simple, sans-serif font. The first line reads "С арестантским уважением" and the second line reads "и братским теплом".

18+

A white circle containing the text "18+", indicating a rating or age restriction.

i individuum

Олег Навальный

3½. С арестантским
уважением и братским теплом

Издательство Individuum
Москва, 2018

Оглавление

Вступление

Почта

Возбуждение дела

Следствие

Ничегонеделанье

Суд

Арест

Карантин

Баня

Первый день в СИЗО

Наладка

Коммуникация

Рынок

Допрос обвиняемого Чубакки

Руслан

Грамота

Новые соседи

Апелляция

Этапирование осужденного Чубакки

Этап

Орел

Тряпка

Колония

Терминология

Карантин-2

Осужденный Чубакка танцует тверк
Отряд
Зона
Столовая
Спортсмены
Полоса
Взыскание
Библиотека
Фольклор
Оптимизация
Ущерб
Бродяги
Распорядок
Зуб
Комиссия
Противостояние усача
Осужденный Чубакка открывает глаза
ШИЗО
Первая пятнашка
Система
Митинг
Шмон
СУС
Вещи
Адвокаты
Свидания
Одиночка
Саморазвитие

Решение моего вопроса

Порядок

Бухло

Соседи

Дневник

БУР

Выход

Осужденный Чубакка идет в рай путями ада

Семъе

Вступление

Вот так я примерно выгляжу:

Надо сразу представлять себе персонажа книги, а то часто так бывает: прочитаешь, а потом увидишь ее

героя на фотографии — или актера в кино — и думаешь: «Фу какой». Главным образом не потому что действительно «фу», а потому что образ мысленный и образ явленный до отвращения не соответствуют друг другу.

Чтобы картина была более полной: по разным оценкам, мой рост составляет от 1,88 до 1,9 м, а вес — от 85 до 90 кг. Не могу сказать, какой я из «вертов» — «экстра» или «интро», потому что постоянно забываю значения этих слов. В карточке новорожденного у меня было записано: «Врожденная асимметрия лица». Это, собственно, норма, просто врачиха оказалась формалисткой. Но мама рассказывала, что поначалу во мне искали признаки асимметричности Сильвестра Сталлоне.

Книга эта про то, как я слегка посидел в тюрьме, и о достаточно скучных событиях, которые этому сопутствовали. Бóльшая часть ее была написана, когда я сидел в колонии, меньшая — после того, как я вышел на свободу. Прочитав ее, вы вряд ли сможете в полной мере понять, что такое русская тюрьма. Эта книга про тюрьму в тюрьме, а иногда и про тюрьму внутри тюрьмы внутри тюрьмы, но все эти тюрьмы — мои, персональные. То есть похожий опыт вы могли бы получить, только если бы были мною между 2015 и 2018 годами.

Вообще говоря, причину, по которой я попал в душные объятия уголовно-исполнительной системы,

можно описать в четырех словах: «Я брат моего брата» (ака Бро). Но даже для российской системы правосудия, относящейся к закону с легким пренебрежением, такого основания было бы недостаточно, чтобы сделать из меня узника. Поэтому составом преступления было признано нечто другое, о чем речь пойдет ниже.

Широким кругам я и мои злоключения неизвестны. Круги узкие знают обо мне как о брате чувака, который тычет острой палкой Путина и его жуликоватое окружение. А про уголовное дело мое известно только то, что оно имени «Ив Роше». Так что, наверное, будет правильным начать с легкой предыстории.

Почта

Когда-то я работал в «Почте России», гостеприимные отделения которой вы наверняка не раз посещали. Ну, знаете, это там, где обед наступает в самый непредсказуемый, максимально неудобный для вас момент. Где письма принимаются десятками минут, а посылки выдаются часами. Где часто не бывает марок и конвертов и так же часто случается плохое настроение у оператора связи, у которого на груди улыбается бейджик: «Почта меняется».

Так вот, из этих порталов мучений почта жиденькими ручейками стекается в по-советски грандиозные и неудобные постройки — шлюзы, в которых формируется почтовое болото. Посмеявшись над моей специализацией («Экономическая и информационная безопасность в финансово-банковской сфере») и утерев рукавом слезу иронии, В#160;селенная отправила меня работать в главное шлюзовое управление, в терминологии Империи зла — ГЦМПП (Главный центр магистральных перевозок почты). В целом достаточно интересно. Каждый день что-то новое. КПД примерно два процента. Но работа всегда на пределе. Конечно, через некоторое время я стал взрывать мозги друзей и родных историями из жизни почты.

Видимо, эти-то истории и натолкнули моего брата на отличнейшую идею — электронный сервис подписки. Не думаю, что многие из вас, уважаемые читатели, хоть раз в жизни оформляли подписку на газеты и журналы. Как и все, что связано с посещением почтового отделения, этот процесс погружает в состояние полного отчаяния. Задумка была в том, чтобы сделать что-то удобное: хороший сайт, мобильное приложение, подписку через платежный терминал и т.д. Мы готовы были избавить измученных россиян от необходимости общения с почтовиками и возложить эту тяжелую ношу на хрупкие, но гордо расправленные плечи новой компании. Проект показался нам очень перспективным, был моментально одобрен, и Бро пошел делать компанию со звучным названием «Главное подписное агентство» (или «Главподписка»), а я принялся за полевые исследования.

Уже тогда брат начал обличать всяких властных гадов, поэтому угроза для любого бизнеса, в котором он участвовал, просматривалась. Но главной причиной того, что мы решили оформить свои права владения «Главподпиской» через зарубежную компанию, была все-таки выгода и процедурная простота, а не соображения безопасности. Очевидно, что для развития подобного бизнеса потребовались бы значительные расходы на маркетинг, которых мы себе позволить не могли, поэтому план был такой: компания выстраивает схему, делает сайт и приложение, обрастает

контрактами с «Почтой» и издательствами, проживает пару циклов подписки, а потом продается. Сделать это путем продажи головной зарубежной компании — технически проще. К тому же можно не бояться того, что в любой момент к тебе придет гэбня и отберет бизнес.

Зарегистрировать компанию удалось быстро, а вот с полевыми исследованиями вышла заминка. Я отправился в ближайшее к офису отделение связи, и то, что я там увидел, превзошло все мои ожидания. Отстояв полчаса в очереди, я радостно изъявил желание оформить подписку на периодические печатные издания. Моя радость не передалась оператору связи. Более того, по его виду можно было подумать, будто он узнал во мне убийцу любимой морской свинки Пенелопы, смерть которой так резко прервала его детство. С трудом выдерживая его разрушительный взгляд, я повторил просьбу, добавив в голос капельку властности. Наградой мне были несколько бланков для оформления подписки, напечатанных, когда Брежнев еще мог играть бровями, а также легкий кивок в сторону почтовых каталогов, внешний вид которых заставил меня подумать о бубонной чуме и прочих страшных и очень заразных болезнях.

Десять минут я рылся в трех здоровенных талмудах и чуть не обезумел от количества граф, циферок и изданий типа «Геомагнетизм и аэрономия»,

«Клиническая и экспериментальная тиреоидология» или «Сыроделие и маслоделие». Запоров несколько бланков, я все-таки подписался на журнал Esquire, после чего, постояв в очереди еще полчаса и оплатив подписку, ретировался в отличном настроении — процесс оформления подписки в отделении оказался еще более отвратительным, чем я предполагал.

Но мечта о продвинутом сервисе была разрушена процедурой доставки. Из тех шести экземпляров, что я заказал, в течение полугода был доставлен только один — № 3. Моей жене его вручила взъерошенная почтальонша со словами: «Сами приходите за ним на почту, а то он дорогой, его своруют из ящика».

«Главподписка», становясь контактным лицом для потребителя, должна была бы взять на себя ответственность за качество доставки, а значит, и за действия всех изнуренных жизнью почтальонов. А это, собственно, было не под силу даже самой «Почте России», поэтому проект было решено заморозить, пока не улучшится доставка.

Чтобы объяснить, чем стала заниматься «Главподписка» впоследствии, надо слегка рассказать о почте. Кто вообще отправляет посылки? Помимо родственников зэков и солдат, это делают предприятия дистанционной торговли. В конце 2000-х годов ситуация была следующая: если вы живете в столице или крупном городе, вероятность того, что, покупая что-то в интернете, вы получите заказ через «Почту

России», исчезающе мала — ну, если вы не мазохист или не экономите экстремально на доставке. Но если вы счастливый житель селения Чумикан или Аян, не говоря уже о поселке Херпучи, со стопроцентной вероятностью вы активный пользователь услуг почтовой связи. Если же вы не покупаете в интернете монокини, а предпочитаете приобрести рассаду клубники в инновационной упаковке по каталогу «Сад и огород», то и подавно.

Интернет-магазинов великое множество, но физическую упаковку и отправку продукции осуществляют не все из них, на это есть специализированные компании. Понятное дело, среди них встречаются по-настоящему гигантские фирмы, у которых есть тысячи квадратных метров складских площадей, сложнейшие логистические процедуры, иностранные акционеры и необходимость работать с почтой, чтобы обеспечивать доставку по всей России (включая город Зима в Иркутской области).

Крупнейшие из таких центров упаковки и отправки располагаются в областях, окружающих Москву (земля и труд там в разы дешевле). Но организация такого производства связана с определенными проблемами, потому что логистика в нашей стране, как и многое другое, устроена через одно место — Москву.

А теперь представьте себе следующую картинку: в некоем городе — скажем, в Ярославле — стоит почтамт. Стоит он уже давно, потому что построен

в попытке достичь коммунизма и последний раз
ремонтировался, когда эти попытки еще
предпринимались. В жестяных банках, подогреваемых
лампой накаливания, кипит сургуч. Кружевная
салфетка обрамляет факс в кабинете начальника, сам
он тоскливо смотрит в окно. Что же происходит за
окном?

Какие-то улыбающиеся люди в костюмах жмут руку
губернатору и зачем-то бьют ярославскую землю,
хранящую отпечатки ног великих князей, лопатой,
а потом и вовсе отстраивают здоровенный склад, из
которого в почтаamt настойчиво начинают везти

посылки — с каждым днем все больше и больше. Для «Почты» все это происходит мгновенно. Сургуч все еще кипит, все та же салфетка на факсе, а посылок сдают уже по четыреста тысяч в месяц.

Заместитель начальника почтамта по производству достает руководство для работников связи СССР, сдувает с него пыль вентилятором и пытается старыми, проверенными методами организовать обработку такого неожиданного объема. В целом это удастся, но проклятуший клиент наращивает и наращивает производство. Почта не сдаётся, оптимизирует и оптимизирует, увеличивает количество рабочих маршрутов вывоза и так далее. Но вот уже нет места, чтобы поставить дополнительный компьютер, нет места, чтобы припарковать и загрузить машину, — посылками занято все здание, а рабочий коллектив предлагает брать посылки на обработку домой (к счастью, подозрительный начальник почтамта не допускает этого).

Примерно так выглядит ситуация на любом почтамте, который находится в непосредственной близости к крупным центрам дистрибуции. Тут возникает некое внутреннее противоречие. С одной стороны, на лицо объективная невозможность впихнуть невпихуемое в неподходящее здание. С другой стороны, у «Почты России» есть законодательно оформленная обязанность принять всю почту, которую ей пытаются сдать, — причем именно там, где это пытаются сделать.

Как же быть? Можно, например, подогнать клиенту фуру, набить ее посылками и отвезти туда, где их хотя бы можно выгрузить. Решение не совсем чистое с точки зрения нормативной документации, но в целом решает проблему и позволяет клиенту продолжить наращивать объем. В се это работает, пока не случается смена руководства в центральном аппарате почты и не приходит жестокий оптимизатор, который недоумеает: почему этот почтамт платит десятки миллионов рублей за доставку от склада в Ярославле в отделение связи в Москве? Руководство новое, поэтому страшное. В результате без попыток объяснить, почему все происходит так, как происходит, моргающий начальник почтамта выполняет распоряжение начальства. Почта перестает забирать продукцию со склада клиента, и тот остается один на один с горами посылок.

Примерно так и произошло в 2008 году с компанией «Ив Роше»: акцент с клиентоориентированности был смещен на экономию — все, что не влезло в местный почтамт, поехало в Москву, но уже не как обычные посылки, а как груз. Дело в том, что за перевозку груза, в отличие от посылки, в стоимость которой включена доставка, платит клиент. Проблем добавили только-только вышедшие ограничения на въезд грузового транспорта в центр Москвы, где исторически располагались основные производственные мощности почты, и это дополнительно увеличило издержки.

Как-то раз меня занесло на производственное совещание, где я не был нужен, да и сути его особо не уловил. В итоге, вызван я был для представительности собрания. Зато именно тогда я познакомился с чудесной девушкой Жанной. Она работала в логистике «Ив Роше», так что на перекуре после совещания мы нашли о чем поговорить. Она пожаловалась, что не может стабильно организовать вывоз своих посылок из Ярославля в Москву. Я хорошо знал разных перевозчиков и сказал, что без проблем организую вывоз по тарифам, которые они сами назовут. Через неделю она назвала тариф. Через две недели я нашел перевозчиков, которые возят колбасу из Москвы в Ярославль, а обратно едут пустыми. Через четыре я нанял пару диспетчеров, бухгалтера и директора для координации между французскими парфюмерами и русскими мясниками, и доселе простаивавшая «Главподписка» начала подзашибать деньги.

Собственно, «Главподписку» я стал использовать для этих целей, так как это была готовая компания, и смысла создавать что-то новое не было. Брата я уведомил о начале деятельности уже постфактум. Не сказал бы, что это вызвало у него большой интерес — ему и своих забот хватало. Да и что тут, собственно, удивительного — перевозил и перевозил.

Позже я заполучил еще одного клиента — Многопрофильную процессинговую компанию (МПК), которой нужно было доставлять квитанции оплаты до

почтамтов России. Казалось бы, почему «Почта» не могла это делать сама? Дело в том, что это очень косное предприятие, которое оказывает услуги только по определенному стандарту. Если клиент просит напечатать сто тысяч квитанций, разделить их на пятнадцать кучек и в течение двух суток доставить до занесенных снегом уральских почтамтов, клиентская служба «Почты» может в ответ лишь поморгать и перечислить, что есть в прејскуранте. Ну а у «Главподписки» аппарат управления состоял не из полутора тысяч человек, а из одного меня, поэтому я без труда разработал схему доставки, заключил договоры с десятком перевозчиков в России и начал работать.

Собственно, на этом развитие «Главподписки» и завершилось: меня как подающего надежды специалиста по логистике начали переводить на самые напряженные участки работы, и это съедало все мое время. На развитие бизнеса времени не оставалось, ну а отработанные схемы стабильно функционировали. Транспорт заказывался и поставлялся, диспетчеры выполняли свою работу почти без сбоев, мое непосредственное участие требовалось крайне редко.

У моих родителей было собственное дело — производство плетеной мебели, организованное в отремонтированном деревенском клубе в Московской области. Заработанные на «Главподписке» деньги я направил на то, чтобы частично расширить и перестроить это помещение, и имел планы сделать на

его базе небольшой распределительный центр для экспресс-грузов. К сожалению, ничему этому сбыться не было суждено, и вот почему.

Шел 2012 год, и мой брат уже был обвиняемым по делу «Кировлеса», в рамках которого СК и ФСБ пришли зачем-то с обыском на предприятие родителей — видимо, хотели нарыть шокирующий компромат. Но для людей, открывших свое дело в 90-х, мои родители — подозрительно порядочные предприниматели. Поэтому, собственно, они и владели небольшим бизнесом народного промысла, а не цементным заводом например. СК и ФСБ ничего у них не нашли, зато вскрыли помещения «Главподписки» и обнаружили там транспортную документацию — которую они решили изъять.

Ну, изъяли и изъяли. Никаких опасений по этому поводу у меня не было. Предприятие суперпрозрачное: все расчеты исключительно безналом, все контрагенты — крупные компании, договоры заключены и исполняются без претензий, все налоги платятся и так далее. Может, не очень технично для транспортной конторы, но, согласитесь, надо быть совсем тупым, чтобы вести бизнес всерую, имея брата, который является главным популяризатором лозунга «Путин — вор».

Возбуждение дела

На календаре 12.12.2012, сколько-то там утра. Я на совещании в «EMS Почта России». Как всегда, пытаюсь понять, почему все так плохо работают (я перфекционист). Тут у меня начинает разрываться телефон. В се, кто работает в логистике, знают, что телефон выполняет свой функционал 24/7, игнорируя запросы организма на сон и семьи на отпуск. Но тогда он начал разрываться по-особенному — в основном звонили родственники. В ижу, звонит мать, потом жена, звонит тетя и даже брат (это большая редкость), причем звонят, перемежая друг друга. Думаю, надо бы узнать, что за неприятность в семействе, делаю особо недовольно-грозное лицо и каким-то назиданием заканчиваю производственное совещание.

Выслушиваю новость о том, что возбуждено уголовное дело — против меня (первое) и моего брата (второе). Никому пока ничего не предъявили, зато все широко анонсировали в СМИ. Даже топ «Яндекса» подтверждал, что я — фигурант. Звонит знакомый безопасник из «Почты», говорит: «Привет, Олег Анатолич, к тебе едут гости, будут через полчаса». Отвечаю: «Спасибо, дорогой», — и отдаю помощнице ноутбук, планшет и телефон. Не то чтобы там были какие-то секреты, просто знаю я эти обыски — отберут

все, а у меня в ноутбуке, может, вся логистическая мощь «Почты России» запрятана. Старушке и так тяжело, а тут последние мощи в вещдок обратят.

А откуда почтовый безопасник знал? Ну, «Почта» ведь служба федеральная, поэтому силовики всегда сообщают местным, если что-то затевают, хотя бы потому, что самим разобраться было бы тяжело. Ну а то, что безопасник предупредил, очень хорошо демонстрирует, как даже охранительные службы презируют систему. Может быть, не все, но приличные люди попадают.

Когда в мой 12-метровый кабинет зашли полдюжины человек, стало тесно. Лицо главного следователя было грустным, а мое — радостным: кабинет не обладал признаками информационных носителей и вычислительной техники, зато был битком набит всевозможной документацией. «Ну, тут мы уже ничего не найдем», — понуро промямлил следователь и дал указание привести понятых. Один из них был юношей весьма корпулентным, поэтому части прибывших сотрудников пришлось удалиться на перекур до конца обыска — тело кабинета исторгло их.

И вот начался шестичасовой обыск. Мне даже было слегка жалко сыщиков, я и сам-то не мог никогда разобраться с бумагами, они лежали повсюду — вразнобой и вперемешку. Проекты модернизации лифтового хозяйства курьерских баз перемежались с простынями бюджета доходов и расходов,

напечатанных «шестерочкой». Иногда попадались документы — все в красных печатях — с пугающей информацией об обнаружении ртутного загрязнения на территории логистического хаба в аэропорту или мольба начальника Хабаровского ОСП выслать несколько комплектов зимней резины для снижения аварийности курьерского транспорта. Задача усложнялась тем, что следователи сами не знали, что ищут, поэтому на всякий случай забирали все подряд и скрупулезно вносили документы в бесконечную опись. Помимо этого изъяли кучу выуженных откуда-то флешек и компакт-дисков. Например, диск Бьорк (уж не знаю, какие следы преступлений они хотели на нем найти). А вот диск группы «Ноль» не взяли, хотя там солист к запретной вере принадлежит. Ну, то есть тогда не принадлежал — вернее, вера не была запретной. Но где же хваленая прозорливость гэбни?

Где-то после второго часа я вспомнил, что у меня в кармане лежит бумажник, а в нем есть флешка с довольно важной информацией. Опять же, для следствия ценности никакой, но все равно бы забрали. В ообще, мой личный обыск должны были начать сразу, но, видимо, отсутствие компьютера слегка сбило с толку сыщиков, и они об этом забыли. Громко объявив, что пойду-ка я перекурю (к этому моменту уже приехал адвокат, и я мог не опасаться, что в мое отсутствие в кабинете найдут, например, неопознанный палец с платиновым перстнем), я спустился на пару этажей,

где протянул бумажник доверенному лицу в производственном департаменте и многозначительно сказал: «Максим, пусть полежит пока у тебя». Максим кивнул, и в его взгляде я увидел уверение, что в случае опасности бумажник будет сожжен, а его пепел экспресс-грузом отправится на остров Пасхи.

Итак, собрав случайным образом пару коробок с документами, следственная группа завершила обыск, после чего мне было объявлено, что необходимо проехать на допрос. Думаю, москвичам будет понятно мое негодование: шесть вечера, ехать на другой конец Москвы только для того, чтобы оформить отказ от дачи показаний. Бесполезно поспорив, мы провели три часа в пробках, и еще час ушел на оформление пропусков и одного листа протокола допроса. После этого я вышел из здания СК с новым официальным статусом — подозреваемого — и запретом на пересечение МКАД.

Следствие

Следствие казалось бесконечным. По сути, оно и было немаленьким — полтора года. Следственная группа — чуть ли не дюжина человек. Основную часть из них я, к счастью, не видел. Для меня дело вообще происходило на периферии сознания. Примерно один раз в неделю мне звонил какой-нибудь знакомый, подчас весьма неожиданный, и говорил, что к нему приезжали с обыском или вызывали на допрос. Мне было очень-очень неловко, казалось, будто я сам инициатор следственных мероприятий.

В результате они допросили:

- всех сотрудников «Главподписки»;
- всех сотрудников, общавшихся со мной в МПК и «Ив Роше»;
- всех моих подчиненных в «Почте», причем во всех подразделениях, где я когда-либо работал;
- всех сотрудников и руководителей центрального аппарата «Почты», занимающихся продажами и перевозками (это очень много людей);
- всех водителей грузовиков, которые возили грузы; (Это была самая масштабная и непонятная операция следствия. Перевозки осуществлялись несколько лет. Понятное дело, что использовалось очень-очень много разных машин. В соответствии

- с материалами дела, водителей при помощи ФСБ искали по всей стране, а некоторых — даже на спорных территориях, где на тот момент велись активные боевые действия, так как в означенной группе были жители Луганска.);
- всех транспортных подрядчиков «Главподписки», а их было немало (например, если требовалось доставить груз в Пыть-Ях, у меня был договор — ну, допустим, с ИП Иванютин, а Иванютиных было много по стране, и всюду их вызывали в местные СК);
  - моих друзей детства! (Это уже становилось очень странным. Я начал думать, что скоро придет черед заведующей детсадом, куда я ходил. Не без доли облегчения я узнал, что Равиля Халиновна обрела вечный покой некоторое время назад, поэтому краснеть перед ней не придется.)

Причем все это сопровождалось выемками грандиозного количества документов. В финальной версии уголовного дела было 139 томов, которые на 95% состояли из транспортных накладных, подтверждающих осуществление перевозки. В есьма забавный факт, с учетом того, что в результате я был осужден за то, что деньги брал, но ничего не перевозил.

Во время обыска у одного из сотрудников «Почты» изъяли компьютер с адресной базой и планом направлений. Это такой супернепонятный — вернее, понятный только единицам почтовиков — массив информации. Но без него ни отправить, ни перевезти

почту нельзя, и только чистая случайность и резервное копирование спасли крупнейший сортировочный центр в стране от функционального блэкаута.

Уже пару раз обыскивали предприятие родителей и квартиру брата, но ко мне в гости отчего-то не заезжали. Помню, как-то из «Яндекс.Новостей» я узнал, что на наше имущество наложен арест. В том числе и на мой банковский счет и 100 014 рублей на нем. В се это, естественно, без предъявления соответствующего разрешительного, вернее ограничительного, документа нам (он появился через пару дней). Единственный источник информации — пресс-служба СК.

Я поразмыслил и понял, что, скорее всего, распорядительные документы банком исполняются в течение суток. Поскольку анонс был уже после обеда, я поехал к банкомату и спокойно снял сто тысяч, оставив в качестве плевка презрения 14 рублей (на самом деле аппарат просто не выдает мелочь). Примерно через полгода какая-то автоматическая система банка прислала мне уведомление о задолженности по обслуживанию арестованного счета. Несмотря на пометку, что ответ не требуется, я все же написал что-то в духе: «Идите к черту, а деньги просите у Путина». Более меня не тревожили.

В СК я ездил с адвокатом от двух до четырех раз в месяц, знакомился с назначением бессмысленных экспертиз или с еще более бессмысленными их результатами. Кстати, должен заметить, что более

неэффективной пропускной системы, чем в Следственном комитете, мне встречать не приходилось. Сначала тетка в бюро пропусков со скоростью начинающего канатоходца полностью вбивала в компьютер паспортные данные, а потом их же вписывала в тетрадку. Потом то же самое делал и охранник, находившийся рядом с теткой. «Гостей» мог встречать только позвавший их следователь. Кстати, эта фишка появилась благодаря моему брату: однажды по пути к кабинету следователя он сфоткал доску почета и выложил в твиттер. С тех пор посетителей перестали пускать к кабинетам одних.

Разумеется, просто принести заявку встречающий следователь не мог — ему нужно было предварительно сделать это через какую-то канцелярскую службу. Предбанник, где ждали вызванные на допрос, — не больше десяти квадратных метров. По какой-то причине всех вызывали примерно на одно время. Естественно, то канцелярия не подавала список, то следователь неправильно оформлял бумажку, то в фамилиях были ошибки. Некондиционируемая жарким летом комната была пропитана малоприятными ароматами гнева, страха, отчаяния и пота. Пот чувствовался сильнее всего.

Как-то раз летом мы особенно долго ждали, когда нас придут встречать. В тот раз следователь, тезка Окуджавы, вел себя нервно. На вопрос: «Надолго ли?» — отвечал, что сегодня — да. Адвокат, улучив

момент, шепнул мне, что, скорее всего, поедут на обыски ко мне, а я шепнул ему, что сумка, которая у меня с собой (с ноутбуком и всякими важными вещами), и телефон не должны к ним попасть. Адвокат, сам бывший следак и тертый калач, степенно кивнул, как бы говоря, что все будет ок.

Он оказался прав во всем. Предъявили постановление о проведении обыска и сказали, что едем ко мне домой. Как и в ситуации с обыском в моем личном кабинете, первое, что должен был сделать следователь, — это произвести мой личный обыск. Но наш следователь был лопух. Личного обыска не было. Я (Элвис), адвокат (тертый калач) и следователь (лопух) просто покинули здание СК.

Следователь. Ну, как поедем?

Адвокат. Мы с Олегом на моей машине, а вы как хотите.

Следователь. Нет, я поеду с вами.

Адвокат. Нет, я не хочу, чтобы вы ехали в моей машине.

В таком духе мы и препирались. Технически адвокат был прав. Я не задержан, ехать могу как угодно. Следователь звонит руководству, оно орет на него в трубу, чтобы ехал с нами, разговор повторяется по кругу. Дальше адвокат делает хитрую штуку. Говорит: